

О. А. Туфанова

**СИМВОЛ ЛЬВА ВО «ВРЕМЕННОМ»
ИВАНА ТИМОФЕЕВА**

Создавая галерею портретов исторических деятелей XVI–XVII вв., Иван Тимофеев использует два контрастных символа власти: символ единорога – для изображения истинных государей и символ льва – для изображения самозванцев. Выбор контрастной пары представляется нам не случайным. Оба символа имеют уходящую корнями в глубокую древность историю символических значений. Так, например, в «Голубиной книге» борьба единорога и льва осознается как борьба за власть, как «противостояние Индры и других Дьевичей со Сварожичами»¹:

Единорог-зверь – всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец, –
 А и ходит он под землю,
 А не держут его горы каменные,
 А и те-то реки его быстрые;
Когда выйдет он из сырой земли,
 А и ищет он спротивника,
 А того ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,
 Начали оне, звери, драться:
 Охота им царями быть,
Над всемя зверями взять большину,
 И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется,
 Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан – царем ему быть,
 Царю быть над зверями всем...

Противостояние этих зверей у корней Мирового Древа изображено и в клейме Васильевских врат в 1331–1336 гг. по заказу новгородского архиепископа Василия, в росписи коробья, блюд, сделанных в Великом Устюге (XVI–XVII вв.)². Извест-

но изображение каменных львов и единорогов на ярусе декора Спасской башни Московского кремля, на фасаде здания московского Печатного двора, по бокам глобуса Столовой палаты Коломенского дворца, на чернильницах, знаменах³ и т. д.

Довольно рано символ льва начал толковаться славянами как покровитель власти⁴. В этом же значении эмблема льва искони употреблялась в геральдике и сфрагистике. Присутствие льва обнаруживается на многих гербах русских городов и западных стран: на первом гербе Англии, использованном Ричардом I Львиное сердце (с 1195 г.), на флаге короля скоттов Уильяма Льва (1165–1214)⁵, в гербах Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и др., в гербах г. Владимира, г. Львова. Эмблеме льва как символа власти можно обнаружить и на печатях Великого князя Василия Темного, Ивана III, на русской печати для скрепления международных актов начала XVII в., созданной по аналогии с перстневой печатью князя Д. М. Пожарского⁶, на печати боярина Федора Ивановича Мстиславского, сохранившейся на отписке его 1611 г. к королю Польскому Сигизмунду III и Владиславу Сигизмундовичу⁷, наконец, на государственной польской печати⁸.

С принятием христианства славяне усвоили и новую амбивалентную трактовку образа льва, который рассматривался и как символ Иисуса Христа, и как символ праведника, и как «персонификация сатаны и пагубных страстей»⁹. Именно эта двойственная трактовка образа льва подробно разработана в храмовых памятниках Владимиро-Суздальской Руси (X–XIII вв.), в частности в скульптурной композиции на фасадах собора Покрова на Нерли¹⁰, в настенных рельефах Успенского и Дмитровского соборов во Владимире¹¹.

Раннехристианские тексты, например «Физиолог»¹², содержат ряд аллегорических сюжетов о льве как символе осмотрительности, воскрешения, бдительности, духовной крепости и чистоты, отшельничества¹³ и др. И «Физиолог»¹⁴, и «Шестоднев»¹⁵ Иоанна ектарха учили, что лев – царь зверей¹⁶. В богослужбных текстах, в «Слове о рассечении человеческого естества» льву уподоблялись злые правители¹⁷. Агиографическая литература (в сюжетах встречи старца со львом, столкновении героя и льва) развивает библейскую трактовку этого образа¹⁸.

В оригинальной отечественной литературе, согласно наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, русские книжники применяли образ льва либо по отношению «врагам церкви, царям-мучителям первых христиан, еретикам»¹⁹, либо по отношению

к доблестным полководцам и воинам²⁰ как символ храбрости и мужества.

Уподобляя «самозванцев» львам, Тимофеев лишь отчасти следует фольклорно-литературной традиции, делая акцент исключительно на негативной трактовке древнего образа и внося новое содержание в известный символ. Кроме того, при анализе семантики этого символа учитывалась такая важная, на наш взгляд, особенность повествования, как симметрия контрастных символических образов единорога и льва.

Первым в галерее лжецарей, сравниваемых со львом, пред взором читателя появляется Борис Годунов: «сий убо по естеству лев»²¹ (39); «яко комар лва не дошед порази», — говорит Тимофеев о свержении Бориса самозванцем (83). Сходным образом именуется во «Временнике» и Гришка Отрепьев: «по сем воста от ложа своего скимен лют» (83); «скимен злый... Гришка Розстрига» (94). Близки по своим характеристикам к образам Годунова и Лжедмитрия I образы Василия Ивановича Шуйского и Лжедмитрия II. Эти образы разработаны в памятнике в меньшей степени, что нашло отражение в отсутствии в главах, посвященных им, символа льва; но их исходные характеристики совпадают с характеристиками Годунова и Лжедмитрия I и помогают прояснить семантику символа самозванчества.

Прежде всего следует отметить, что практически нигде на протяжении всего повествования Тимофеев не соотносит имя Бориса Годунова с понятием «государь царь и великий князь». Это понятие Тимофеев прилагает исключительно к образам Ивана Грозного²² и Федора Ивановича²³. Если же употребляет только слово «царь» по отношению к Федору Ивановичу, то обязательно добавляет положительные оценочные эпитеты: «благага царя» (28), «благочестиваго царя» (28), «освятованный же царь» (27) и т. д.

Годунова всего один раз, в названии главы, Тимофеев называет царем: «О Борисе же царе» (72). Но инверсионное употребление этого понятия, отсутствие положительных эпитетов заставляют звучать это утверждение иронически-презрительно. В большинстве случаев по отношению к Борису Годунову Тимофеев использует определения «лжецарь» (32), «рабоцарь» (56). Аналогичным образом автор «Временника» именует Лжедмитрия I: «Лже — и самоцарь... рострига богопустный на ны Гришка, порекло Отрепьев» (72); «Борисово воцарение; второе Гришки ростриги... дву лжецарей» (32). Те же оценоч-

ные определения используются для характеристики царствования Лжедмитрия II: «лжецарю» (124); «ложна царю» (124); «ко лжецарю стекахуся» (127); «мучителю лжецарю» (129). Имя царя Василия Шуйского всегда сопровождают в тексте отрицательные эпитеты: «растлитый умом мнимый царь» (102). Следовательно, первичное значение символа льва во «Временнике» — лжецарь.

Второе значение символа льва связано с особенностями трактовки имен правителей. В отличие от значимых имен истинных царей²⁴, имя Борис не вписано Богом в «животные книги» «богоненавистных ... дел ради», и потому в тексте отсутствует его толкование. Имя «Григорий» также не имеет иносказательного варианта в памятнике. Назвав себя царским именем — Дмитрием Ивановичем, Гришка Отрепьев таким способом «всынотворився»: «преславным именем во образе царска сына вменився... всынотворився ему» (83). Он принял на себя чужое имя. Страсть к «переодеванию», перемене имени, социального статуса в образе Гришки нарочито подчеркивается в тексте²⁵. Во всех его действиях проявляется карнавализация. Он никогда не предстает в истинном виде. Это всегда только видимость, игра, лицедейство. Например, он никогда не был истинным монахом, а только «во мнишеское облещися дерзну» (84). Принял священнодияконство у патриарха Иова, но при этом «священнодияконство ему на ся у великаго... изолгати» (84). Затем отрекся от монашеского сана: «вкупе обоего чина самоизволне совлечеса, священства, глаголю, и мнишества» (84).

Аналогичным образом трактует Тимофеев принятие на себя чужого имени Лжедмитрием II: «...инаго второругателя, существу имени изветом истоваго государя царевича Дмитрия сказующе» (121–122). Здесь просматривается важная в характеристике самозванцев речевая формула — «извет имени» с акцентом на слово «извет». Данное слово превращается в тексте в своеобразный символический знак неистинности, находящей выражение и в принятии на себя чужого имени, и в мнимом благочестии, и в мнимой храбрости и т. д. «Извет» чего-либо — это знак вывороченности, обратная сторона положительных характеристик, присущих истинным государям, и постоянная составляющая характеристик ложных царей. Не случайно, очевидно, «сущим царям» Тимофеев противопоставляет лжецарей-идолов²⁶ (Лжедмитрий I), лжецарей-кумиров²⁷ (Лжедмитрий II). Формулы, используемые в обоих случаях, практически идентичны: о Гришке От-

репьеве – «идолу сущу, яко царю, поклонишася» (84); о Лжедмитрии II – «яко кумиру, поклоняхуся... сице сущему царю» (124). Речевые клише стирают семантическую разницу понятий «кумир» и «идол» и делают их контекстуальными синонимами, свидетельствующими о пустоте внутреннего содержания обоих самозванцев.

Таким образом, второе значение символа льва в тексте – правитель, чье имя не имеет сакрального смысла, чей внутренний мир пуст и вследствие этого может быть заполнен любым содержанием.

Третье значение символа льва связано с происхождением властвующих особ и способом получения ими власти. По версии Тимофеева, все законные наследники русского престола принимали царство из рук своих отцов²⁸. Самозванцы «самохотящ» (53) совершали «наскочение на превысокая» (56). Тимофеев описывает их как людей, «чрез подобство наскакающих на царство» (34). Борис Годунов «дерзостию и прегрешно зело *наскочение* на превысокая сотвори» (56). Аналогичный способ захвата власти избрал Лжедмитрий I: «на самый богом помазанных верх безстудие... *наскочил*» (95). По своей воле, «самохотно» занял царский престол Василий Шуйский: «самохотно восхищением *наскочивше* безстудне от боярска чина на царство» (91); «самоизбранна глаголема всеа Руси царя... *самоизвольне*» (100); «самовенчника» (101); «внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли всеа земля и сам *царь поставися*» (113). Второй Лжедмитрий также «самозванным новобогоотступником» (98) воссел на царский трон.

Обязательный элемент в характеристике царей – их происхождение. Все законные цари происходили из рода Калиты, все они олицетворяли «богом дарованную миру в наслание отрасль» (28), их «корень»²⁹ уподобляется в тексте «доброй маслине» (32). Самозванцы «зело *неблагодарна корене*, ни по избранию людей, но от страдническия четы, *безыменных*, мельчайших... яко *дивимаслина*» (32).

Описывая избрание Бориса Годунова на царство, Тимофеев трижды в сравнительно небольшом по объему фрагменте акцентирует внимание читателя на «рабском» происхождении первого из «самозванцев». Годунов, поднявшись на самый верх «земная чести», сделал своими рабами тех, кто был благороднее его по происхождению, среди которых он ранее занимал среднее место по роду и чину. Лексические повторы, одинаковое словообразование – «средороден и средочинен» (56) – по-

лучают свое продолжение в оценочной характеристике «рабочарь» (56), указывающей на происхождение нового царя, и, наконец, находят эмоциональное разрешение в прямом указателе: «рабородство». Негативное звучание данного эпитета усиливается в тексте благодаря упоминанию «величайших» и «прегордых по вселенной» царей (56), принявших Бориса Годунова «державнаго ради соименства» (56) и слышавших о его справедливости и благодущии.

Еще негативнее характеризуется Лжедмитрий I. До момента воцарения никто не знал ни рода Гришки Отрепьева, ни имени: «...не бе знан ни род сего, ниже имя его» (83). «Худородность» происхождения Отрепьева Тимофеев подчеркивает с помощью эмоционально ярких эпитетов, усиливая их звучание превосходной степенью и грубым просторечием: «И сей бо худороден сы и зело плашайша племене пород ему бе, – Галич бо град того излева» (83). «Нечестивое порождение» (83) – Гришка Отрепьев – называется в тексте то «исчадием» (83) «Улиана» – римского императора Юлиана (361–363 гг.), отказавшегося от христианской религии и покровительствовавшего язычеству³⁰; то сыном «литовского» (читай – польского) короля Сигизмунда III «обещанием злобы его» (121). А это уж совсем нехорошо, это явная «дивимаслина» на российском престоле, поскольку «великодержавныи ... искони быша своеземная» (147).

Василий Иванович Шуйский – единственный из всех, кто «самоизбранна» стал царем всея Руси, «перводержавнейшим сроден бе» (101). Но и он, «приплетется» «страстем плотским», «умом растлился», и потому упоминание о его благородном происхождении, родстве с истинными государями звучит как дань исторической объективности и не является отличительной положительной характеристикой.

Таким образом, третье значение символа льва – безродные правители, рабы по происхождению, самовольно захватившие престол путем «наскочения», «дивимаслина» на российском престоле.

Если имена и деяния истинных царей в тексте «Временника» почти всегда сопровождается высокая панегирическая лексика, то по отношению к «самозванцам» Тимофеев использует исключительно сниженную лексику. Постоянный эпитет, сопровождающий имя Бориса Годунова, – «злой»: «злоковарен... свою злобу... злолютством... злобы своей» (28); «злых злейша... злой раб» (29); «всезлый властолюбец» (31) и т. д. Годунов устилает свой путь к трону трупами законных царей³¹ и престоло-

наследников³², проливает кровь ни в чем не повинных людей³³. Царство Бориса Годунова, заключает Тимофеев, было «кроволюбно»: «Борисово... насилное во льсти кроволюбное царство... неповинных мнозех пролития кровей...» (84).

Чем больше времени проходит с момента смерти последнего законного царя, тем все более злобные правители претендуют на царский престол, тем большие преступления они совершают. Точно так, как Борис «расчищал» себе путь к царскому престолу убийством, действует и Лжедмитрий I. По приближении к Москве он посылает своих людей убить жену и сына Годунова: «...матерь же ону... с сыном ея... в дому первого достояния и безсловесне некако и нужно обоих убийством осуди, увы, загнетением смерти преда» (85). Дочь Бориса он облакает «во мнишеский облек» (85). В контексте всего произведения насильственный постриг воспринимается как смерть, как убийство. Подчеркивается это постоянно звучащим сравнением девиц, насильственно постриженных в монахини, со срезанными недозревшими колосьями³⁴: «Твердозаклепанную же юницу... без тоя воля, яко несозрела класса, пожат» (85).

Злоба Гришки Отрепьева находит выражение не только в убийствах, но и в том, что он хотел сотворить «конечное зло» — уничтожить из памяти Христову веру: «...конечное зло хотящеся от него на вся нанести и паче всякого зла злейши: ... Христову веру, православием вечно цветущую, в конец хотя окаянный от памяти испровреци *зломыслием* врага» (84). Не случайно он получает в тексте яркую характеристику: «...скимен злоый иже священно- и мнихоругатель Гришка Розстрига» (94).

Создавая неприглядные портреты Лжедмитрия I и Василия Шуйского, Тимофеев не скупится на отрицательные эпитеты, выстраивает их по принципу восходящей градации для усиления звучания негативной характеристики самозванцев: о Лжедмитрии — «Он же, растлитый, ... грехолюбно поживе, всеблудно же, и беззаконно по всему, и рабско, и скотолепно всяко; ... во плоти бо, яко в гробищи, пребывая...» (89); о Шуйском — «Прочее не глаголю, яко беззаконно, но яко нечестив всяко и скотолепен, царствова во блуде и пьянствах» (101). Сходные повторяющиеся характеристики («беззаконно», «всеблудно», «скотолепно»), ругательно-обличительная лексика, представленная через ряды однородных членов и усиливаемая повторами местоимений «все», «всему», «всяко», символизирующими постоянство, наконец, яркое сравнение («яко в гробищи») практически стирают разницу между образами Лжедмитрия

и Шуйского. Создается впечатление, что для автора принципиально важно было подчеркнуть их одинаковость, чтобы создать единый страшный образ самозванца, символом которого в произведении стал лев.

Видимо, с этой же целью Тимофеев указывает и на общую для всех самозванцев черту — «кроволюбие». Как и его предшественники, Василий Шуйский, согласно тексту памятника, погряз в «кровопролитных неповинных кровей» (101). Он и его воины все «грады и веси» России «в различья смертей до основания низложив, всеродно испровергоша» (91). И не было места на Русской земле, «идеже правоверных кровми горы и холми не полияшася, и удолия, и дебри вся наполнишася, и водам естество, ими очервив, згустися» (91).

Достойным преемником своих «самозванных» предшественников выступает в тексте и Лжедмитрий II: «...зловревателя злу паче инех других себе одинакого такова показуя всем» (98). Его образ, в меньшей степени разработанный, нежели другие, тем не менее осознается как самый злобный, ибо его злоба — самих бесов злоба во плоти: «...во злых недостаточествовати самех злобою бесов» (98).

Следовательно, лев в тексте становится и знаком злобных лжецарей, устилающих свой путь к трону трупами, заливающих Русскую землю кровью; символом убийц.

Традиционно в древнерусской литературе, согласно наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, известно уподобление героя льву «по признаку силы и храбрости»³⁵. Борис Годунов, в отличие от истинных царей, постоянно демонстрирует в течение всей своей карьеры «не мужество» (41), но при этом страстно желает предстать в глазах людей храбрым человеком: «показуя изветом своея храбрости» (57). Но это только видимость, мираж. Причем обманывает таким способом Годунов всех: и царя Федора Ивановича, и врагов земли Русской, и в конечном итоге всех русских людей. Особенно ярко «лжехрабрость» Бориса Годунова проявляется на фоне сопоставления его поступков с деяниями храбрых истинных царей. Тимофеев проводит неявно выраженную параллель между двумя событиями: набегом на Москву крымского хана Казы-Гирея в 1591 г., которого в действительности сумел «устрашить» царь Федор Иванович³⁶, и мнимым преследованием бежавшего в страхе хана Борисом Годуновым³⁷. Столь же очевидна показная храбрость Годунова [*яко храбор являяся*] (57)] и в эпизоде стояния войска «лжецаря» на берегу Оки. В обоих случаях Годунов только

имитирует воинскую доблесть и храбрость: в первом случае – погоню за ханом, что подчеркивается ярким сравнением «яко по ветре» (40); во втором – утрашением противника, «не наветующаго нам бранью тогда» (57), с помощью «белосушаго ляннотканя снеговиден града» – палаточного городка, разбитого на пустом месте, издалека напоминающего каменный город³⁸ и сопоставимого в памятнике с военным чудом времен Федора Ивановича – «гуляй-городом».

Таким образом, сопоставляя Бориса Годунова со львом, Тимофеев разрушает традиционное для древнерусской литературы значение этого образа. В данном контексте лев становится символом немужественного, трусливого по своей сути человека, всеми силами и средствами являющего вид храбрости; не воин-защитник, а его мираж, «извет».

С другой стороны, герои предшествующей литературы приравнивались авторами ко льву не только по «признаку силы и храбрости», но и по «признаку страха», который они вызывали у врагов и подданных³⁹. В этом смысле Тимофеев вполне следует литературной традиции.

Страх и ужас внушал всему населению Лжедмитрий I: «страх смерти чаяния по востри меча его одоле» (84); «прочих ... утрашая» (85). Бориса Годунова боялись все подданные: и знатнейшие и величайшие князья и бояре, ведущие свою родословную с древних времен: «вси величайша отдревле столпы... обладания прежде властолюбца страхом... они же крыяхуся страхом» (39); и простой люд: «вся иже страхом приведшая» (66), «страхом привед всех с принуждением х клятве» (68). Боялись Годунова так сильно, как не страшились и самого царя. «Величайша отдревле столпы» не пугались и не стыдились перед Федором Ивановичем чрезмерно превозносить Годунова: «...вси не страшахуся, ни стыдаху хвалами о нем чрезъестественных словес» (39). Годунов преобладал над всеми: «Тако той един онех всех преоблада, и множае простирашеся тогда надо всеми преобладание» (39), над всеми имел власть, поскольку у него была редкая способность страхом омрачать людей, парализовывать их сознание и волю к действию. Бессловесное повиновение людей Годунову Тимофеев объясняет именно омрачением: «Тако той страхом омрачаше люди; мы же и в сем повинухомся ему безсловесне...» (41).

Однако, омрачая страхом подданных, заставляя лстыть, Борис Годунов попал в собственную западню. Любовь к власти (Тимофеев неоднократно в своем повествовании называ-

ет Бориса властолюбцем: «всезлый властолюбец», 31; «властолюбца злаго», 30 и др.), любовь к славе («любославия рачитель», 40; «славоловитель», 41 и др.), непомерное тщеславие («своего превосходны тщеславия», 43) сыграли с ним злую шутку. Надеясь «хвалением словес осияватися начат» (41), Годунов на самом деле оказывается таким же омраченным, как и запуганные им люди. «Славолюбия одежда», шитая льстецами⁴⁰, ослепила Бориса Годунова: «Оле такового ослепша тмою мрака разума» (45); «О, омрачения! о, многого славоослепления» (59); «Слепый вож толико стаду був» (67). И, омраченный, ослепленный лживыми льстивыми словами, Борис Годунов устилает свой путь к трону трупами законных царей и престолонаследников.

Но чем больше Годунов хочет достигнуть желаемого, тем меньше он это желание демонстрирует. Он великолепно разыгрывает пред народом свое мнимое нежелание взойти на царский престол. Здесь все инсценировка: и притворное удаление в покои своей сестры, царицы Ирины, и притворное нежелание принять царство, и попытка с помощью платка на глазах у всего честного народа удавиться, что должно было продемонстрировать нежелание принять царский титул... Но все это лишь «нехотения образ», один из шагов, предпринятых Борисом для достижения желаемой высоты: «в нехотения образе самохотящ нам поставитися» (53), «прикровеному хотением ко всем купно отвечавающим» (53), «хотение спокрывающе купно вси» (54), «спокрывся нехотением» (54), «о себе показуя разумевати, яко бы удавитися понуждаемаго ради хотяше... своего нехотения притворение людскому множеству показа» (54), «яко зельне свое нехотение показуя» (54). Скрыв таким способом свое единственное и истинное желание, Годунов сумел обольстить людей и добиться главной цели всей своей жизни – стать царем всея Руси. Но каким царством он управляет? Кто его подданные? Молчащий народ, беспрекословно подчиняющийся злодею, уподобляется в тексте «Временника» свиньям («неразумных свиней обычай», 76), рыбам («вси тогда онемеша и равно ему попустиша и безгласни бо быша, яко рыбы», 27). По сути, «рабоцарь» Борис, так долго омрачавший людей, достиг своей цели: его подданные оказываются «несмысленнее скотов», а сам он управляет не человеческим, а каким-то звериным царством. В данном случае мы наблюдаем невероятную по своей прямоте аллегория. Лев, как толкует этот образ «Физио-

лог»⁴¹, считался царем зверей. И Годунов-лев тоже царь бесловесного животного-человеческого мира.

Таким образом, лев становится символом лукавого, хитроумного, кровожадного человека, устрашающего подданных своими преступлениями; символом ослепленного славой и лживыми похвалами человека.

Далее. Лжецарей отличает и иное, чем у истинных русских государей, отношение к благочестию и церкви. Все, что делает Борис Годунов в отношении веры, трактуется Тимофеевым как обман: внешнее деяние не отражает истинной сути его внутренних намерений. Так, например, возведение церкви и Донского монастыря на месте, где стояло против хана московское ополчение, воспринимается писателем как лжеблагодействие. Снова используется формула «честнолюбивый извет веры» (43). И, чтобы читатель правильно понял его, Тимофеев в дальнейшем разъясняет формулу: «...вещи убо видения благоделно, истиною же — паче своего превосходны тщеславия имя о победе сим возвышая в роды» (43).

Аналогично Борису Годунову поступает и Лжедмитрий I. Желая обвенчаться с католичкой Мариной Мнишек, он собирает православный собор, чтобы испросить его, стоит ли ей креститься второй раз. Этот собор истолковывается Тимофеевым как «извет»: «...извет творя яко праваго совета» (87). Не уважая православную веру, Григорий Отрепьев оскверняет православный храм, превращая его в «просту храмину», наполняя еретиками, читай — «волками», «бесами». Во главе же этого бесовского воинства — сам Лжедмитрий, «пес со всесквернавою сукою» (88). В связи с этим постоянной сопутствующей характеристикой личности Лжедмитрия и его деяний становятся эпитеты «скверный», «богоотступный»: «богоотступный» (86), «богопротивное крещение» (87), «осквернив святая богоборне» (88); «насквернил святая» (95), «сквернителя» (86), «скверно сверстник тоя презлый» (87).

«Извет» творил и Василий Шуйский. Будучи «нечестив», он «к потребе своего студожительства» перелил священные сосуды в деньги, «извет творящу» (103). Более того, Василий Иванович, «к бесом прибегая», «промышлял» в царских покоях «чародейний творениями» (102). В этом смысле фигура Шуйского на российском престоле оказывается идентичной фигурам безродных самозванцев. Не случайно Тимофеев проводит неявно выраженную параллель: если Шуйский лишь уличался автором в связях с нечистой силой, то Гришка Отрепьев пря-

мо уподоблен антихристу: «Весь сатана и антихрист во плоти являясь» (84), «враг же обаче, а не человек бывая словеснаго существа, оболкся в плоть антихрист» (83).

Таким образом, еще одно значение символа льва – неблагочестивый человек, творящий «извет» веры, имеющий связи с нечистой силой, враг церкви. В данном случае Тимофеев следует византийской литературной традиции.

Наконец, истинные цари заботились о пополнении царских сокровищниц: «...самодержавных сокровичная хранилища... от родов в роды наполняема» (96). Все они в изображении Тимофеева – собиратели. Самозванцы и в этом противопоставлены законным государям: они – расточители. Так, Лжедмитрий I «сокровичная же хранилища прежде всех бывших царских доброт, даже и златищ и сребрениц самех, увы, *вся истоци без чина и разсмотрения не в лепоту расточительне*» (89). Аналогичным образом поступал и Василий Шуйский: «предивных царских преизрядных и предрагих вещей, от мног лет собранных, – сих всех доброт он *расточитель и искоренитель*» (102); «предварших царей исполнены до верха царския сокровичная хранилища *истоци*» (102–103). То есть еще одно значение символа льва в памятнике, связанное с характеристикой их отношения к государственному достоянию, – расточитель.

В целом, почти вся палитра семантических значений символа льва оказывается сопоставима с палитрой значений символа «инорога»⁴². При этом достаточно четко прослеживается единая сюжетно-композиционная схема, согласно которой характеризуется тот или иной образ государственного деятеля. Практически идентичны оказываются параметры, по которым сопоставляются и противопоставляются образы истинных и ложных царей.

Однако, помимо различий в семантике данных символов, есть и некоторое сходство. Прежде всего надо упомянуть, что образы Ивана Грозного и Бориса Годунова получают в тексте «Временника» противоречивые характеристики. Так, описывая Годунова, Тимофеев специально оговаривает присущие ему положительные качества. Риторический же панегирик в честь Ивана Грозного довольно быстро сменяется резкой критикой «яростивого» царя, положившего введением опричнины начало Смуте, по мнению автора. В художественной манере писателя сталкиваются два различных принципа: описание героя «по функции», т. е. в соответствии со средневековым «этикетом поведения» – как подлинного или неподлинно-

го царя, и описание героя по «вѣдению» человеческого характера, отражающему внутреннюю суть исторической личности.

Следствием этого принципа явилось необычное, на первый взгляд, употребление символа льва по отношению к Ивану Грозному. Будучи «разжен... яростию» (23), Иван Грозный поверил клевете и уничтожил всю семью своего брата — князя Владимира Андреевича Старицкого: «...порази брата си напоением смертным купно з женою и с сыном: вси принуждены быша испити смертныя горести чашу от повеления руки его» (23). То есть совершил убийство возможного законного претендента на царский престол; по функции его действия в данном случае оказываются аналогичными деяниям самозванцев. Не распознавший лукавого умысла и поразивший своего брата Иван Грозный сравнивается со львом: «...яко лев на пути негде срет» (23). Но лев является в памятнике символом самозванцев, следовательно, перед нами очевидное сближение образа Ивана Грозного, упрекаемого писателем в казни родственника⁴³, с отрицательными образами самозванцев по степени злобности и характеру преступлений.

Доминантной характеристикой всех самозванцев была злоба, в качестве постоянного эпитета по отношению к Ивану IV употребляется эпитет «яростивый»: «пламенна гнева» (11), «ярость гнева» (13), «зельныя ярости» (11), «во гневе презельныя» (11), «без милосердия его ярости» (11). Одержимый приступами ярости, Иван Грозный «упоил» Новгород «кровми, различными муками вся люди моя умучая» (13). Страдали от «пламенна гнева» царя не только подчиненные, дальние родственники, но и сыновья. Так, «моленный» сын Грозного — Иван Иванович — был «троебращен», и не потому, что его жены умирали «в мужестве лет», а потому, что «за гнев еже нань они свекром своим постригаеми суть» (19).

Лжецари устрашали подданных своим зверством и связями с нечистой силой, часто их образы сопоставляются в памятнике с тьмой⁴⁴. Аналогичную характеристику получает и Иван Грозный. «Яростивый царь» (15) был «страшен всем» (16). Таковы и его воины-опричники: «воины тмообразны... вся от главы и до ног в черное одеяние облек, сообразны же одеждам их и коня им своя имети повели... яко ночь темна» (12–13) и еще: «от немилосердия работающе... страшаху люди» (13). Одеты во все черное, имеющие черных коней, немилосердные, они внушали подданным не меньший ужас, чем сам «неприступный» царь. «По всему воя своя вся яко бесподобны

слуги сотвори» (13), – заключает их характеристику и через них косвенную характеристику царя Тимофеев.

Наконец, в рассказах о гибели князя Старицкого и разорении Новгорода Тимофеев использует еще один символический образ – образ «смертной чаши». Тот же образ появляется при описании насильственных смертей подлинных царей, в том числе и самого Ивана Грозного.

Таким образом, случайное, на первый взгляд, использование сравнения Грозного со львом оказывается на поверку не случайным: целый ряд признаков указывает на строго продуманную семантику символов во «Временнике», каждому из которых соответствует своя палитра значений. В то же время использование для характеристики одного и того же исторического лица контрастных символов наиболее ярко демонстрирует новаторские тенденции литературы первой трети XVII в. Открытие сложности, противоречивости человеческого характера⁴⁵ нашло свое отражение и в смещении символов внутри одного произведения.

Еще одно неявное сходство символов «инорога» и льва состоит в том, что они не остаются на протяжении всего повествования неизменными. Образ «инорога» превращается в памятнике то в образ «молитвенного рога», то в образ «младорога», то в образ «святопомазания рог». Не остается неизменным и символ льва. Но трансформации, происходящие с этим образом, отличаются кардинальностью, множественностью и масштабностью. Например, Борис Годунов по степени злобности сравнивается во «Временнике» не только со львом, но и с диким зверем, что вполне соответствует литературной традиции⁴⁶: «превосходный славою, яко в берлозе дивия некако, лестне крыяся» (53); «обоих, якоже зверь некий обратився навспясть, зубы своими угрызну» (73).

Весьма значимым является сравнение Бориса Годунова с орлом: «...спокрывся нехотением и выпсрь, яко орел, превзятся мерою паче» (54). Появление этого символа художественно оправдано в тексте. Во-первых, образ орла сопоставим по функциям с образом льва: и тот и другой – царственные символы. В толковании «Физиолога» «орел царь птицамъ»⁴⁷, аналогичным образом говорится о льве: «...начнемъ о лве глаголати. О цари зверьстемъ»⁴⁸. Устно-поэтическая традиция также называет орла царем птиц⁴⁹. Но, как и в случае со львом, доминантой оказывается не положительное, а отрицательное в семантике образа. Тимофеев многократно подчеркивал, что у ис-

токов желания Годунова взойти «на верх всея земныя чести» (56), вознестись «на небо от земля» (56), подобно орлу, у истоков всех поступков первого самозванца (будь то отказ занять царский престол или написание своего имени на главе церкви) стояла гордость: «Толикие бо гордости вознесеса о царствии» (58); «превознесеса гордостию сердце ему ... гордостию разстволив ... прегордое его предзря» (64); «сугубство гордости, высокоумие бо вере его одоле» (65); «з гордостию вера того слияна бе» (66); «гордостне сему сравняяся» (71) и т. д. Вот это вознесение себя и своего имени гордостью на «превысокая» и рождает в тексте сопоставление образа Бориса Годунова с орлом. В данном случае Тимофеев отходит от традиций светской средневековой литературы.

Согласно наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, уподобление героя орлу делалось «по признаку силы, высоты и быстроты полета этой птицы»⁵⁰ и было применимо в основном по отношению к храбрым воинам, т. е. орел выступал метафорой воина. С другой стороны, «высоте и легкости» полета орла в древнерусской литературе уподоблялась «возвышенность мыслей, стремлений истинного христианина, уносящегося от земных забот к небесным, его моральная высота»⁵¹. Но Годунова нельзя назвать ни воином, ни истинным христианином.

Скорее всего, писатель здесь обращается к библейскому символическому толкованию образа орла. Во «Временнике» есть прямая отсылка к Священному Писанию во фрагменте, описывающем неблагоприятное стремление Годунова увсковетить свое имя «в позлащенных дцках златописмяными словесы» (72): «неведый речения пророческа о таковых: аще вознесешися, глаголет, яко орел и сотвориши си гнездо посреде звезд, и отгуду свергну тя, глаголет господь, еже и помале сотвори» (72). Собственно говоря, текст Тимофеева здесь практически тождествен библиейским текстам Книги пророка Иеремии⁵² (48:16) и Книги пророка Авдия⁵³ (1:4). Годунов, вознесшийся на царский престол, уподобляется орлу, свившему гнездо посреди звезд. И точно так же, как орел, он окажется низвержен с высот на землю.

Самый факт свержения Годунова с престола получает во «Временнике» двойственное символическое истолкование. Заняв незаконно царский трон, Годунов сам спровоцировал свою гибель – и духовно-нравственную, и физическую. Причина духовного падения Годунова – «нож гордости»: «Толикие бо гордости вознесеса о царствии ... яко нож заострен сам при-

несе своему сердцу, им же себе збод и, низпад, сокрушешя...» (58). Физическую смерть Годунов принял в преддверии свержения с трона. Новый самозванец «всеродно низложи» Бориса Годунова, «яко дивий козел овна рогами збод, с самого престола стремглав на землю сверг и не чювствене аще, ругателне же обаче, яко на главе того, свержением посмиявся, нагами ста» (72). И в том и в другом случае употребляется одно и то же слово – «збод». Высокие царственные образы льва и орла, будучи низверженными, претерпевают здесь новое изменение: вместо них появляется образ овна – образ, явно сниженный по сравнению с первыми. Но и его появление художественно оправдано в тексте. Рассуждая о судьбе гордых, Тимофеев пишет: «Сице бог гордым, уповающим на ся противляется и мысленно сих сламляет роги» (72). Трудно сказать, был ли прообразом для формулы «яко дивий козел овна рогами збод» текст Библии, но, вероятнее всего, она восходит к Книге пророка Даниила (8:3–8). В одном из видений пророка появляются все три образа: и козел, и овен, и рога: «И се козель ... прииде до овна имущаго рога его же видехъ стоаша на оувале, и тече к нему... и доходящъ до овна, и съкруши оба рога его, и попраи»⁵⁴. Упоминается, что овен «сътвори по воли своею и возвеличися», т. е. возгордился, вознесся. В другом пророческом сне пророка Даниила появляется образ крылатой львицы (7: 4): «Пръвыи аки львица имущи крыле, крыле же ея аки орлу, изряхъ дондеже простре крыле свои, и бьездвижесе от земля, и на ногу человекучи ста, и сердце человекуче дасться ей». Как видно, происходит совмещение образов льва и орла. То же совмещение ряда образов мы наблюдаем и в тексте «Временника». Поэтому осмелимся предположить, что символы льва, орла, овна – это символы-синонимы в памятнике, призванные, с одной стороны, предотвратить возможность двоякого толкования символа льва (как силы и мощи Христа и как дьявола) и сосредоточить внимание читателя только на негативном толковании семантики ведущего образа, а с другой стороны, подчеркнуть одну из главных идей памятника – недолговечность и непрочность власти «самовенечников».

Любопытной представляется еще одна неявно выраженная параллель с библейским текстом. В Ветхом Завете древнееврейский пророк VI в. н. э. Иезекииль описал видение трона Господа, вокруг которого расположились четыре звериные фигуры, имевшие лики человека, льва, быка, орла. В «Откровении» Иоанна Богослова упоминаются те же четыре зверя. Христианская традиция связала эти образы с изображениями

четырёх евангелистов и наделила высоким положительным символическим значением⁵⁵. Тимофеев использует эти же четыре образа, но вкладывает в них иное, негативное содержание, играя на предполагаемом контрасте значений этих символов в Библии и в своем историческом повествовании.

Символы, соотносимые с образом Григория Отрепьева, столь же разнообразны. Первичный образ – образ комара: «яко комар лва не дошед порази» (83), указывающий, с одной стороны, на мелкость и незначительность фигуры второго самозванца, с другой – на непрочность и мимолетность власти Годунова-льва. Достаточно и комара, чтобы свергнуть ее. К такой трактовке подталкивает и любопытная параллель текста «Временника» с басней Эзопа «О комаре и о льве». В басне речь идет о брани между львом и комаром, в которой победил комар: «И вострубивъ, комаръ полетѣ, угрызая окрестъ носа его, безвласное лвово лице грызый. Левъ же своими ногтьми драше самого себе, донелѣже изнемогъ, лежаше. Комаръ же, побѣдивъ лва, воструби и, побѣдную пѣснь воспѣвъ, полетѣ»⁵⁶. В финале басни съедаемый пауком комар «плакаше»: «Охъ, яко с великими воюяся, от малаго животнаго паука погибохъ!»⁵⁷ Притча адресована «к побѣдившимъ великихъ, от малыхъ же низложеннымъ»⁵⁸. Для нас принципиально важны здесь два момента. Во-первых, данная художественная реминисценция помогает прояснить особенности трактовки образа льва-самозванца: тот, кто победил «великих» – истинных царей, непременно будет низложен «малым». Годунов, виновный, по мнению Тимофеева, в смерти представителей рода Калиты, оказывается побежден еще более безродным и имеющим еще меньше прав на престол, чем он сам, Лжедмитрием I. Незаконность его власти обуславливает ее непрочность и недолговечность. Во-вторых, «малый» (комар) также недолго будет торжествовать свою победу, он, в свою очередь, будет низложен еще меньшим. Так Тимофеев, начиная повествование о приходе к власти Лжедмитрия I, уже в первых строках главы предвосхищает рассказ о его падении: «Но убо царствуяй всеми не попусти ему благочестивых престола лето цело оскверневати ... и бури зело сильнее нань подвигшися, взятся от жизни нежизненный живот его» (90).

В дальнейшем при описании деяний Лжедмитрия I появляются более серьезные – грозные, страшные – символы. Он предстает и в образе льва, и дикого козла («яко дивий козел овна рогами збод», 72; «яко козел ногама, збод и с престола долу сверг», 48), и «аспида», и «яйца василискова» («пад скимен,

аспида же, обаче и яйцо василисково, Гришка Рострига», 120–121), и скорпиона («и яко скорпииным надмен ядом, пушен на ны от пазуху его», 121). Каждый из образов имеет довольно древнюю историю использования в библейско-литературной традиции. Имеет весьма определенные и, в общем-то, однозначные трактовки. Так, «жестокость, злоба и коварство врага уподобляются в древнерусской литературе, преимущественно с XV в., качествам ... ехидны и аспиды»⁵⁹, порой ехидна служила обозначением «дьявола, опустошающего душу»⁶⁰, символом зла, вреда и гибели⁶¹. Скорпион традиционно толкуется как «эмблема предательства», как «символ иудея», как символ палача⁶², как символ зла и смерти⁶³. Достаточно устойчива в литературе и искусстве зловещая ассоциация козла с дьяволом⁶⁴. Часто в христианской традиции встречается упоминание о козле как символе распущенности, похоти⁶⁵. Наконец, в одном из видений пророка Даниила говорится о том, что козел, победивший овна, возгордился и у него выросли четыре рога, один из которых «уничтожил жертву и правду на земле»⁶⁶. В библейском тексте под этим страшным рогом подразумевается царь Антиох, осквернивший храм и учредивший по городам капища и жертву⁶⁷. Аналогичным образом поступает и Гришка Отрепьев, что было показано выше. Очевидно, уподобляя Лжедмитрия I козлу, Тимофеев в некотором смысле сближает образы Отрепьева и царя Антиоха и, предваряя известный ему ход исторических событий, художественно предсказывает гибель самозванца.

И последнее. Василий Шуйский трижды во «Временнике» сравнивается с птицей, запертой в клетку: «от них же новоцарюющему во граде, яко пернатей в клетце, ... затворене всеродно» (114); «самодержавнаго нашего срамодейственаго Василия всеродно с сущими яже о нем во граде, яко в клетце парящую, ужасив, затвориша» (121); «в нем же (во граде. – О. Т.) всеродно своим обстоянием они того затвориша и отъемше и, яко пернатую в клетце» (153). Благодаря повторам сравнений с птицей, формулы «во граде всеродно затвориша» в тексте является важным в контексте всего произведения мотив бессилия власти самозванцев, аналогичный мотиву недолговечности, непрочности, наблюдаемому в главах, посвященных Борису Годунову и Лжедмитрию I.

Итак, ведущим символом при изображении самозванцев во «Временнике» является символ льва, который имеет богатую палитру негативных значений, сопоставимых по принци-

пу контраста с семантикой символа инорога: царь/рабоцарь, лжецарь; сакральное имя/извет имени; законное наследование престола/«самохотное» «наскочение»; благонравие/злоба, кроволюбие; храбрость воинов-защитников/лжехрабрость; благочестие/извет веры, богоотступничество, связь с нечистой силой; собиратели/расточители. Дополнительные символы самозванцев в памятнике (символы козла, ехидны, комара, скорпиона, орла и др.) углубляют отрицательную семантику символа льва и позволяют наиболее полно выявить авторское отношение к проблеме власти в эпоху Смутного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. М., 2002. С. 125.

² Там же. С. 126–127.

³ См.: Пчелов Е. В. Эмблематическая пара «лев и единорог» в русской культуре и солярно-лунная символика // Календарно-хронологическая культура и проблема ее изучения: К 870-летию «Учения» Киприка Новгородца: Мат-лы науч. конф. М.: РГГУ, 2006. С. 138–141.

⁴ Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. С. 197.

⁵ Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М., 1997. С. 214.

⁶ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 122; Лахиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 124.

⁷ Лахиер А. Б. Указ. соч. С. 125.

⁸ Там же.

⁹ Gladkova O. V. Об одной палестинской традиции в Жизнеописании преп. Серафима Саровского (сюжет о происхождении медведя) // Макариевские чтения. Можайск, 2006. Вып. 13. С. 280–293.

¹⁰ Силаев А. Г. Указ. соч. С. –53.

¹¹ См.: Силиев А. Г. Указ. соч. С. 53–56; Gladkaya M. S. Дмитриевский собор во Владимире: Мат-лы и исслед. Владимир, 2002. Вып. 2: Изображение львов в резьбе Дмитриевского собора во Владимире. С. 21.

¹² Кариева А. Д. Материалы и заметки по литературной истории Физзиолога. СПб., 1890. С. 161–177.

¹³ См.: Белова О. В. Славянский bestiary. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 159–162.

¹⁴ Кариева А. Д. Материалы и заметки по литературной истории Физзиолога. С. 161.

¹⁵ Дурново Н. Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе // Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 3 / Изд. под ред. М. И. Соколова. М., 1902. С. 66.

¹⁶ См. также: Полный церковно-славянский словарь / Сост. священник, магистр Г. Дьяченко. М., 1993. С. 280.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Gladkova O. V. Об одной палестинской традиции... С. 280–293.

¹⁹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 89.

- ²⁰ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. С. 87–88.
- ²¹ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринт. воспроизв. издания 1951 г. СПб., 2004. Здесь и далее страницы указываются в скобках.
- ²² «...царство государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца» // «Временник»... Указ. соч. С. 10.
- ²³ «...царство... государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси» // «Временник»... С. 24.
- ²⁴ Об иносказательности имен см.: *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринт. воспроизв. издания 1951 г. СПб., 2004. С. 405; *Солодкин Я. Г.* Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева: Дис. ... док. ист. наук. Кустанаф, 1990. С. 276–277.
- ²⁵ Об изменчивости образа Гришки Отрепьева см.: *Коротченко М. А.* Публицистика смутного времени (проблематика, проблема авторской позиции, влияние церковной публицистики конца XV – начала XVI вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998. С. 72–74.
- ²⁶ «Еще ему вне сушу предел Руския земля, самохотне повинушася вси, идоу сушу, яко царю, поклоншася» // «Временник»... С. 84.
- ²⁷ «Аще и ведуще его приобегшеи тамо ложна царю, яко кумиру, поклоняхуся, плотским образом обложену, сице сущему царю» // «Временник»... С. 124.
- ²⁸ «Временник»... С. 10–11, 24, 151.
- ²⁹ См.: *Коротченко М. А.* Публицистика смутного времени... С. 47–49.
- ³⁰ *Державина О. А.* Исторический и географический комментарий // Временник Ивана Тимофеева... С. 488.
- ³¹ О смерти Ивана Грозного: «Борис... сложившийся купно з двема в тайномыслии о убнии его» (15). О смерти Фёдора Ивановича: «И сего святожительнаго... царя... той же властолюбец злый и желатель его царствию зломудрием своим некако виновну ему смерти сушу бывша... он же явлен убийца бысть» (26).
- ³² О смерти царевича Дмитрия: «детоубийца Ирода Борис» (43).
- ³³ «Он же господскою кровию не удовлеся, приложи к сей рабскую изливати муками кроволитными» (29).
- ³⁴ Аналогичным образом во «Временнике» говорится о заключении матери убиенного царевича Дмитрия в монастырь: «Борис... родительницу неповиннаго закланью отрока мнишеским образом ненавистно облече и в лавру некую от мира сего удаляемых стран ту, кроме воля ея, всели в месте пустее, непроходне же и безводнее...» (43), «яко второе убийство по сыне самого того матери сотвори» (44).
- ³⁵ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. С. 87.
- ³⁶ «Временник»... С. 35.
- ³⁷ «Временник»... С. 40–41.

- ³⁸ «Временник»... С. 58.
- ³⁹ *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 87.
- ⁴⁰ «Временник»... С. 40, 41.
- ⁴¹ «...начнемъ о лве глаголати. о цари зверьстемъ. рекше животному» // *Карпеев А. Д.* Указ. соч. С. 161.
- ⁴² См.: *Туфанова О. А.* Символ «инорога» во «Временнике» Ивана Тимофеева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 118–128.
- ⁴³ *Державина О. А.* Историческая повесть первой трети XVII века. (Опыт литературного анализа «Летописной книги», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева и «Сказание» Авраамия Палицына): Дис. ... док. филол. наук. М., 1958. С. 404.
- ⁴⁴ Например, Отрепьев ассоциируется в сознании автора «Временника» с тьмой: «...яко темен облак возвлекся от несветимыя тмы» (83).
- ⁴⁵ См. подробнее: *Державина О. А.* Анализ образов повести XVII в. о царевиче Димитрии Угличском // Учен. зап. МГПИ. Каф. рус. лит. М., 1946. Т. 7. Вып. 1. С. 30; *Лихачёв Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 2006. С. 14–17; История русской литературы. Древнерусская литература: учебное пособие для вузов / С. Н. Травников, Л. А. Ольшевская. М.: Дрофа, 2007. С. 355–358.
- ⁴⁶ *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 93.
- ⁴⁷ *Карпеев А. Д.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Указ. соч. С. XXIII.
- ⁴⁸ Там же. С. 161.
- ⁴⁹ *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 83; *Гура А. В.* Символка животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 610, 54.
- ⁵⁰ *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 83.
- ⁵¹ Там же. С. 84.
- ⁵² Ср.: «...егда възнесеши яко орель гнездо свое, отголе свергу тя, глаголетъ господь» // Библия. Острог, 1581.
- ⁵³ Ср.: «...аще вознесешися яко и орель, и сътвориши си гнездо среди звездъ, и отгуду свергу тя глаголетъ господь» // Библия. Острог, 1581.
- ⁵⁴ Библия. Острог, 1581.
- ⁵⁵ *Фоли Дж.* Энциклопедия знаков и символов. С. 165–166.
- ⁵⁶ О комарѣ и о львѣ // ПЛДР. XVII век. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1989. С. 47.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 92.
- ⁶⁰ *Белова О. В.* Славянский bestiарий. С. 113.
- ⁶¹ *Шейнина Е. Я.* Энциклопедия символов. М., 2001. С. 84.
- ⁶² *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994. С. 472.
- ⁶³ *Шейнина Е. Я.* Энциклопедия символов. С. 106.
- ⁶⁴ *Керлот Х. Э.* Словарь символов. С. 472.
- ⁶⁵ *Шейнина Е. Я.* Указ. соч. С. 88.
- ⁶⁶ *Есеев И. Е.* Толкования на книгу пророка Даниила в древнеславянской и старинной русской литературе // Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества / Изд. под ред. М. И. Соколова. Т. 3. М., 1902. С. 19.
- ⁶⁷ *Есеев И. Е.* Указ. соч. С. 19.